

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Йошкар-Ола)

ИЗ ИСТОРИИ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из особенностей грамматической структуры современного марийского языка является разветвленная система форм прошедшего времени, причем каждая форма характеризуется, кроме общего значения действия, предшествовавшего моменту речи, присущим только ей дополнительным значением. Одни формы прошедшего времени унаследованы из общефинно-угорской эпохи, другие представляют собой новообразования периода обособленного развития марийского языка.

В данной статье рассматриваются генетические вопросы формообразовательного суффикса и окончаний, а также изменение морфемной структуры личных форм т. н. первого прошедшего времени в марийском языке, восходящих корнями к финно-угорской языковой общности.

В разговорной речи глагол в первом прошедшем времени употребляется главным образом по отношению к лицу действия, произведенного в недавнем прошлом или на глазах собеседников, поэтому говорящие еще живо воспринимают и ощущают это действие.

Утвердительные формы этого простого прошедшего времени в современном марийском языке, как и формы настоящего времени, образуются от основы неопределенной формы, которая устанавливается отделением аффикса инфинитива *-aš* (*tol|a-š* 'приходить, прийти', *kond|a-š* 'приносить, принести'). Приведем парадигму утвердительных форм этого времени глаголов *tola-š* и *konda-š* и их синхронную морфемную структуру, присущие наречиям и говорам, которые легли в основу современного марийского литературного языка.

Ед. число		Мн. число	
I спряжение	II спряжение	I спряжение	II спряжение
1 л. <i>to-l' ∅ ā̄m</i>	<i>ko-nd ā̄š ā̄m</i>	<i>to-l' ∅ na</i>	<i>ko-nd ā̄š na</i>
2 л. <i>to-l' ∅ ā̄č</i>	<i>ko-nd ā̄š ā̄č</i>	<i>to-l' ∅ da</i>	<i>ko-nd ā̄š ta</i>
3 л. <i>to-l' ∅ o</i>	<i>ko-nd ā̄š ∅</i>	<i>to-l' ∅ ā̄č</i>	<i>ko-nd ā̄š t</i>

Как видно из парадигмы, формы глаголов II спряжения характеризуются материально выраженным временным суффиксом *ā̄š*, формы глаголов I спряжения — материально не выраженным (нулевым) суффиксом (\emptyset). Нулевой суффикс, указывающий на форму прошедшего времени глагола и наблюдающийся в словоформах *to-l'|∅|ā̄m*, *to-l'|∅|ā̄č* и т. д., выделяется, разумеется, по соотношению со словоформами *ko-nd|ā̄š|ā̄m*, *ko-nd|ā̄š|ā̄č* и т. п., находящимися вместе с *to-l'|∅|ā̄m* и т. п. в одной временной плоскости и парадигме. Форма 3-го лица единст-

венного числа глаголов II спряжения *ko-nd|ǎš|∅ ~ ka-nt|ǎš|∅ ~ ka-nd|ǎš|∅* имеет нулевое окончание ∅, которое выделяется по соотношению с коррелятивными формами, имеющими материально выраженные окончания, ср. *ko-nd|ǎš|ǎm*, *ko-nd|ǎš|ǎč* и т. п.

Для обозначения отрицательного действия, выраженного первым прошедшим временем, употребляется особый отрицательный глагол, препозитивно сочетающийся с неизменяемой формой знаменательного глагола. Отрицательный — в отличие от других глаголов — не располагает инфинитивной формой и имеет несколько специфические личные окончания, которые служат средством связи отрицаемого глагола и действовавшего имени или местоимения.

Приведем парадигму отрицательных конструкций тех же глаголов в рассматриваемом времени и их синхронное морфемное строение.

Ед. число		Мн. число	
I спряжение	II спряжение	I спряжение	II спряжение
1 л. <i>š ǎ-m tol ∅</i>	<i>š ǎ-m kond o</i>	<i>ǎš na. tol ∅</i>	<i>ǎš na. kond o</i>
2 л. <i>š ǎ-č tol ∅</i>	<i>š ǎ-č kond o</i>	<i>ǎš ta. tol ∅</i>	<i>ǎš ta. kond o</i>
3 л. <i>ǎ-š ∅ tol ∅</i>	<i>ǎ-š ∅ kond o</i>	<i>ǎ-š t tol ∅</i>	<i>ǎ-š t kond o</i>

Как видно из парадигмы спряжения, корневая морфема отрицательного глагола — *š-* или *ǎš-*; в 3-м лице единственного числа отрицательного глагола выступает нулевое окончание ∅; неизменяемые отрицаемые глаголы снабжаются суффиксами *-o*, *-e*, *-ö* (II спряжение) или ∅ (I спряжение).

Приведенным утвердительным формам 3-го лица множественного числа в йошкар-олинском говоре лугового наречия и в основной части волжского говора лугового наречия соответствуют *tol|e-βe*, *kond|e-βe*, в горном и северо-западном наречиях — *tol|e-βǎ*, *kand|e-βǎ*. В карайско-петъяльском подговоре волжского говора, распространенном в основном на территории Сотнурского, Петъяльского и Больше-Паратского сельсоветов Волжского района Марийской АССР, глаголы II спряжения в 3-м лице множественного числа утвердительной формы имеют аффикс *-tep*: *kond|ǎš|te-p* 'они принесли', *kaj|ǎš|te-p* 'они ушли', *βol|ǎš|te-p* 'они сошли'; ср. инфинитивные формы *konda-š*, *kaja-š*, *βola-š*. Кроме того, на этой же территории факультативно употребляются несколько видоизмененные формы на *-ǎš|teβe* от глаголов II спряжения: *kold|ǎš|te-βe* 'они отпустили', *šǎnd|ǎš|te-βe* 'они посадили', *sitar|ǎš|te-βe* 'они сделали достаточным', ср. инфинитивные формы *kolda-š*, *šǎnda-š*, *sitara-š*. Формы же глаголов I спряжения здесь не отличаются от форм волжского говора, т. е. имеют окончание *-eβe*. Другие личные формы в диалектах марийского языка тождественны.

Отрицательные формы этого времени различаются и в марийских диалектах. Вышеприведенным формам отрицательного глагола, выступающего в сочетании со знаменательным, в других марийских диалектах соответствуют следующие личные формы:

горн.	сев.-зап.	морк., волж.	урж., серн.	малм.
Ед. число				
1 л. <i>šǎm</i>	<i>šǎm</i>	<i>ǎšǎ-m</i>	<i>šǎm</i>	<i>iši-m</i>
2 л. <i>šǎc</i>	<i>šǎc</i>	<i>ǎšǎ-č</i>	<i>šǎč</i>	<i>iši-t</i>
3 л. <i>ǎš</i>	<i>šǎš</i>	<i>ǎš</i>	<i>šǎš</i>	<i>iš</i>

горн.	сев.-зап.	морк., волж.	урж., серн.	малм.
Мн. число				
1 л. <i>šənä·</i>	<i>šənä·</i>	<i>šžna·</i>	<i>šžna·</i>	<i>išna·</i>
2 л. <i>šəđä·</i>	<i>šəđä·</i>	<i>šžda·</i>	<i>šžda·</i>	<i>išta·</i>
3 л. <i>əš</i>	<i>šəβe-t ~ šəγe-p ~ šəšt</i> (морк.) <i>šəγe-t</i>	<i>ššt</i> (волж.)	<i>šššt</i>	<i>išt</i> ¹

В некоторых населенных пунктах, где говорят на яранском диалекте, во 2-м лице единственного числа выступают формы *šnt* и *šət*.²

В некоторых диалектах (например, в волжском) *u₁la·š* 'быть, находиться, являться' спрягается в первом прошедшем времени без ограничения; правда, при этом, допуская чередование корневого гласного, он несколько отклоняется от основной парадигмы, например: *š-ləm* 'я был', *š-ləč* 'ты был', *š-le* 'он был', *š-lna* 'мы были', *š-lđa* 'вы были', *š-le-βe* 'они были'; *süa-näšte mäna-t š-ləm* 'на свадьбе и я был', *me š-lna ku₁m iza-k šola-k* 'мы были три брата', *joldäše-m tüñäktäšö š-le* 'мой товарищ был учителем'. Этот глагол не может сочетаться с обычными личными формами отрицательного глагола. Со значением бытия он имеет своеобразные отрицательные формы, состоящие из неизменяемого *uke* 'нет' и тех же спрягаемых форм *u₁la·š*, что и в утвердительных формах: *täñ uke· š-ləm* 'я не был', *täñ uke· š-ləč* 'ты не был', *tu₁-do uke· š-le* 'он не был', *me uke· š-lna* 'мы не были', *te uke· š-lđa* 'вы не были', *nu₁-no uke· š-le-βe* 'они не были'.

В современном марийском языке сосуществуют два суффикса прошедшего времени **j* и **š*. Марийские глаголы I спряжения, которые генетически восходят к глагольным основам на *e*³, образовывали первое прошедшее время присоединением к основе затемненного в современном марийском языке общевосточно-угорского суффикса **j*.⁴ За основой прошедшего времени следовали материально выраженные или нулевые личные окончания.

Своеобразным преломлением этого суффикса в марийских диалектах, легших в основу литературного языка, является палатальное произношение конечных согласных основы *l*, *ñ* во всех личных формах единственного числа, а также в 3-м лице множественного числа: *to-ləm* 'я пришел', *to-ləč* 'ты пришел', *to-lo* 'он пришел', *to-ləč ~ tole-βe* 'они пришли', *ma-ñəm* 'я сказал', *ma-ñəč* 'ты сказал', *ma-ñe* 'он сказал', *ma-ñəč ~ mañe-βe* 'они сказали'. В некоторых подговорах моркинского и волжского говоров формы с палатальным *l* употребляются и в первых двух лицах множественного числа, например: *to-lna* 'мы пришли',

¹ И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка I, Йошкар-Ола 1964, стр. 150—151; И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров, Северо-западное наречие марийского языка, Йошкар-Ола 1970, стр. 167; E. Itkonen, Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremissischen Konjugationssystems. — Commentationes fennougricae in honorem Paavo Ravila, Helsinki 1962 (MSFOu 125), стр. 112.

² E. Itkonen, указ. раб., стр. 112.

³ P. Ravila, Über die entstehung des tscheremissischen konjugationssystems. — FUF XXV 1938, стр. 1—25; E. Itkonen, указ. раб., стр. 97; И. С. Галкин, К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1962, стр. 165—177; В. И. Лыткин, К вопросу о конечной гласной основы глаголов настоящего времени в финно-угорских языках. — ТМФНИИ, вып. XV. Вопросы языка, литературы и фольклора, Йошкар-Ола 1961, стр. 49—57; его же, К вопросу о конечных гласных финно-угорского праязыка. — СФУ IV 1968, стр. 233—238.

⁴ J. Szinyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Leipzig 1910, стр. 141—144; Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I, Москва 1953, стр. 227—228.

to-lða 'вы пришли', *na-lna* 'мы взяли', *pu-rlda* 'вы откусили'.⁵ Пережитком исчезнувшего суффикса прошедшего времени **j* в волжском говоре следует считать повсеместно одинаковое употребление палатального согласного в корнях личных форм глагола *u-la-š* (*š-ləm*, *š-ləč*, *š-le*, *š-lna*, *š-lða*, *šle-be*), а также в определенной степени согласный *č* в омонимичных окончаниях 2-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа (*na-ləč* 'ты взял, они взяли', *to-ləč* 'ты пришел, они пришли'), разившийся из первоначальных двух разных по семантике *t*. Можно утверждать, что палатализация согласных ($l > l$, $n > n$, $t > t$) и вслед за ней аффрикатизация ($t > č \sim c$) могли иметь место только перед или после существовавшего ранее *i*, развившегося путем монофтонгизации звукосочетания **ej*, которое было образовано конечным гласным глагольной основы *e* и суффиксом прошедшего времени **j*. С течением времени *i*, претерпев редукцию, в марийских диалектах стал произноситься как *ə* ~ *ə* (< позднедревнемар. **to-lit*; ср. малм., яран. *iši-t* ~ *šnt* ~ *šət* 'ты не', фин. *tulit* 'ты пришел'), а затем в некоторых формах редукция прошла до полного исчезновения рассматриваемого гласного (*to-lna* ~ *to-lna* 'мы пришли', *to-lða* ~ *to-lða* 'вы пришли').

По предположению Э. Итконена⁶, в утвердительных формах первого прошедшего времени суффикс **j* более первоначален, нежели **š*. Эта гипотеза основывается на материалах финно-угорских языков волжской и пермской групп. Э. Итконен допускает, что когда-то и глаголы II спряжения⁷ в марийском языке образовывали прошедшее время при помощи суффикса **j*. Затем первое прошедшее время глаголов II спряжения стало образовываться несколько иначе, т. е. к основе глагола с суффиксом **j* стал присоединяться суффикс **š*, который перешел из спряжения этого же времени отрицательного глагола. О том, что суффикс **š* еще в общефинно-угорское время был характерен только для личных форм прошедшего времени отрицательного глагола, по мнению Э. Итконена, отчетливо свидетельствуют материалы прибалтийско-финских (южноэстонского и ливского), южносаамского, пермских и мордовских языков.

Проникновению суффикса **š* (> мар. *š*) в сферу утвердительных форм, на наш взгляд, могла бы способствовать семантика глагольных основ. Но материалы современного марийского языка как бы опровергают это предположение. Дело в том, что современные личные формы прошедшего времени с **j* и **š* тождественны по значению, т. е. включают как переходные, так и непереходные глаголы; разница в употреблении двух суффиксов обуславливается лишь принадлежностью глаголов к I или II спряжению. Однако, рассуждая логически, можно прийти к несколько иному заключению. Если бы грамматические значения прошедшего времени с суффиксами **j* и **š* в древние времена были одинаковыми, то, по-видимому, не было бы необходимости в дополнитель-

⁵ Интересно отметить, что в формах повелительного наклонения волжского говора, звучащих почти одинаково с формами первого прошедшего времени (ср. *to-lða* 'приходите', *pu-rlda* 'откусите'), произносится, напротив, твердый *l*, так как согласный *l* в формах повелительного наклонения никогда не находился в аналогичных фонетических условиях, т. е. перед *i*. См. Г. И. Лаврентьев, Императив и опатив в волжском говоре марийского языка. — СФУ I 1965, стр. 199—205.

⁶ E. Itkonen, указ. раб., стр. 112—113, 121—122.

⁷ Основа глаголов II спряжения в древности характеризовалась конечным гласным *a* ~ *ä*. См. P. Ravila, указ. раб., стр. 1—25; E. Itkonen, указ. раб., стр. 97; И. С. Галкин, К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1962, стр. 165—177.

ном употреблении более позднего суффикса в утвердительных формах или один из этих суффиксов, оказавшись лишним при выражении прошедшего времени, исчез бы. Едва ли можно считать с необходимостью употребление двух суффиксов прошедшего времени лишь для формального разграничения двух типов спряжения.

Следовательно, можно предположить, что причину употребления данных суффиксов прошедшего времени все же следует искать в семантике. На наш взгляд, суффикс прошедшего времени *j в древние времена употреблялся с любыми глаголами независимо от их значения (напр., *tole|j-), а *ś-овый суффикс стал служить для подчеркивания переходного значения глагольных основ, уже оформленных суффиксом *j (напр., *kanta|j|ś-).

В современном марийском языке, как показывает подсчет И. С. Галкина⁸, из 210 корневых глаголов II (*ś-ового) спряжения 78 — непереходные, 132 — переходные, т. е. переходных глаголов, оформляющих первое прошедшее время *ś-овым суффиксом, почти вдвое меньше, чем переходных. Все это может подтвердить мнение, согласно которому в древние времена в основе *ś-ового прошедшего времени лежала семантика переходности.⁹

Позднее, как можно предположить, произошло смешение форм и типов спряжения переходных и непереходных глаголов, которое могло быть обусловлено прежде всего постепенным выветриванием значения *ś-ового прошедшего времени; формы прошедшего времени с суффиксами *j и *ś, лишившись первоначальной семантической подкладки, приобрели лишь значение грамматического средства различения типов спряжения.

Личные окончания 1-го и 2-го лица первого прошедшего времени, непосредственно присоединявшиеся к рассмотренным выше основам прошедшего времени, возникли на базе энклитического употребления и затем агглютинации первого слога местоимений 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа к глагольной основе.

В этой связи заметим, что глагольные окончания 1-го и 2-го лица этого прошедшего времени формально совпадают с притяжательными суффиксами существительных, ср. *to-lām* 'я пришел' и *e-ryām* 'мой сын', *to-lāč* 'ты пришел' и *e-ryāč* 'твой сын', *to-lna* 'мы пришли' и *e-ryāna* 'наш сын', *to-lđa* 'вы пришли', и *e-ryāda* 'ваш сын'.

Эти ряды морфем своими корнями восходили к одному и тому же — местоименному — источнику. В единственном числе конечный неширокий гласный первого слога местоимений в энклитическом употреблении, т. е. в безударном положении, отпал.¹⁰ Эта утрата, по-видимому, совпала по времени с общим процессом сокращения слова, вызванного акцентно-фонетическим процессом падения безударного конечного гласного, например: мар. *βūr* 'кровь', коми, удм. *vir*, фин. *vere-*; мар. *βūt* 'вода', коми *va*, удм. *vu*, фин. *vete-*; мар. диал. *šur* 'рог', морд. *šuro*, фин. *sarve-* и т. д.

Исчезновение конечных гласных исторических флексий в единствен-

⁸ И. С. Галкин, К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке, стр. 167.

⁹ В коми языке согласный *s* в личных формах прошедшего времени, как и генетически однородный марийский *ś-овый суффикс первого прошедшего времени, связывается с переходностью глаголов. См. Б. А. Серебренников, Из истории образования глагольных времен в коми языке. — Историко-филологический сборник, вып. III, Сыктывкар 1956, стр. 63; его же, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 253—254.

¹⁰ Отпадение конечных гласных имело место также, например, в развитии «первичных» личных окончаний славянских языков. См. А. И. Горшков, Старославянский язык, Москва 1963, стр. 284—285.

ном числе в известной степени могло быть вызвано и отсутствием четких дифференциальных признаков личных форм единственного и множественного числа. С течением времени дополнительным различительным признаком форм первых двух лиц единственного числа стало отсутствие конечного гласного, дополнительной приметой этих форм множественного числа — наличие его.

Относительно древнейшего качества конечного гласного флексий первых двух лиц нужно отметить следующее. На основе сравнения диалектных форм личных местоимений (луг. *māj, māj, tāj, tāj, me, te*; горн. *māj, tāj, mā, tā* и др.) с современными марийскими личными окончаниями, а также с местоимениями и флексиями родственных языков можно попытаться реконструировать качество этого гласного. Думается, в составе личных окончаний множественного числа употреблялся участвовавший в палатальной гармонии широкий гласный *a ~ ä*, который в современном марийском языке продолжает сохранять свой прежний фонетический облик. В составе же личных окончаний единственного числа когда-то употреблялся неширокий гласный переднего ряда, скорее всего индифферентный к палатальной гармонии сравнительно узкий гласный *e*, который по рассмотренным выше причинам утрачен.

Изменение реконструированного выше древнего окончания 1-го лица множественного числа *-ma ~ -mä > -na ~ -nä* объясняется ассимилятивно-обобщающим воздействием притяжательного суффикса 1-го лица множественного числа существительных.¹¹

Форма 3-го лица единственного числа первого прошедшего времени, как и соответствующая форма настоящего времени¹², в древнемарийском языке характеризовалась нулевым окончанием, т. е. в этом лице выступала глагольная основа, осложненная суффиксами прошедшего времени **j* и **š*.

На пути к современным диалектным формам *to-l|Ø|ə ~ to-l|Ø|o* 'он пришел' и *ka-nt|əš|Ø ~ ka-nd|əš|Ø ~ ko-nd|əš|Ø* 'он принес' в реконструированных архетипах **tole|j|Ø* и **kanta|j|š|Ø* на стыке корня и суффикса проходила монофтонгизация звукосочетаний *ej* и *aj*¹³, их место заняли *ĭ* и *i*, которые в безударном положении редуцировались соответственно в *ə* и *ə*, а затем согласно лабиальной гармонии гласных в глаголах I спряжения в некоторых говорах они развились в *o ~ e ~ ö*; также закономерны для марийского языка переходы **š > š̌, a > o*; одновременно с фонетическими преобразованиями перемещались морфологические узлы анализируемых форм.

В формах первых двух лиц множественного числа глаголов II спряжения (*ko-ndəšna* 'мы принесли', *ko-ndəšta* 'вы принесли') между историческим показателем переходности **š (> š̌)* и личными окончаниями *-na, -ta ~ -nä, -tä* никогда не было гласного звука. В тех же лицах единственного числа гласный *ə ~ ə* между согласными *š̌* и *m* (*ko-ndəšəm* 'я принес', *ko-ndəšəč* 'ты принес') первоначально не высту-

¹¹ П. Кокла, Притяжательные суффиксы в марийском языке. Автореф. канд. дисс., Таллин 1963, стр. 9.

¹² См. Г. И. Лаврентьев, К вопросу об историческом развитии формы 3-го лица настоящего-будущего времени в марийском языке. — СФУ VIII 1972, стр. 187—191; его же, Отрицательные глагольные формы настоящего-будущего времени в марийских диалектах. — СФУ X 1974, стр. 241—246.

¹³ Переход дифтонгов в монофтонги имел место в истории мордовских языков (Б. А. Серебренников, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967, стр. 158).

пал, он появился позднее как буферное средство для образования удобопроизносимого слога. В глаголах I спряжения (*to·lna* 'мы пришли', *to·lda* 'вы пришли') эти словоформы в древности перед личными окончаниями содержали *i* (> $\hat{a} \sim \text{ə}$), который возник путем монофтонгизации звукосочетания *ej*. С течением времени этот гласный утратился, непосредственной причиной чего следует считать прежде всего то, что в формах прошедшего времени ударение падало на начальный слог слова (это ударение сохранилось до наших дней). Кроме того, утрата этимологического $\hat{a} \sim \text{ə}$ в личных формах глаголов I спряжения могла быть обусловлена ассимилятивно-обобщающим воздействием соответствующих форм глаголов II спряжения, в которых личные окончания с самого древнего периода находились после согласного, ср. *ko·ndāšna* 'мы принесли', *ko·ndāšta* 'вы принесли'. Наконец, гласный в анализируемых формах мог утратиться в результате омонимического отталкивания от соответствующих форм настоящего времени (*tolāna·* '(пр)идем', *tolāda·* '(пр)идете'), в которых конечное ударение — результат позднейшего развития языка.

Таким образом, формы без $\hat{a} \sim \text{ə}$ перед флексийными *-na* ~ *-nä*, *-ta* ~ *-tä* первых двух лиц множественного числа глаголов I спряжения, очевидно, сложились в результате действия трех факторов: фонетической редукции безударного гласного, морфологического аналогического воздействия других форм и тенденции к различению двух исторически совпадавших по форме грамматических категорий.

Конечный *-č* (< *-t*), выступающий во 2-м лице единственного числа глаголов II спряжения (*ko·dāššāč* 'ты оставил'), объясняется ассимилятивно-обобщающим воздействием соответствующей формы глаголов I спряжения (*ni·ma·lāč* 'ты носил'), в которой древний *t*, как было упомянуто выше, имел фонетическое условие для своего смягчения, а затем аффрикатизации.

Сохранение глухого варианта интервокального шипящего в формах начальных двух лиц единственного числа (*ko·dāššām* 'я оставил', *ko·dāššāč* 'ты оставил') диалектов, в которых в наше время формы отрицательного глагола имеют звонкий интервокальный шипящий (*ä·žām* 'я не', *ä·žāč* 'ты не'), находит поддержку в формах других лиц единственного и множественного числа (*ko·dāšta* 'вы оставили', *ko·dāš* 'он оставил', *ko·dāšt* 'они оставили'), где *š* не располагал благоприятным фонетическим условием для озвончения.

Форма 3-го лица множественного числа глаголов обоих спряжений в некоторых диалектных группах имеет окончание *-ebe*, присоединяемое к основе неопределенной формы. Исследователи марийского языка единодушно считают, что оно восходит к общефинно-угорскому причастному суффиксу настоящего времени **-pa* ~ **-pä* (соотв. **-ba* ~ **-bä*).¹⁴ Действительно, это марийское окончание находит соответствие в прибалтийско-финских языках: финские морфемы *-pi* ~ *-va* ~ *-vä*, например, *saapi* 'получает', *saavat* 'получают', *saivat* 'получали, получили', *tekivät* 'делали, сделали', *tulisivat* 'они пришли бы'.¹⁵

Относительно общей линии развития форм 3-го лица множественного числа допустимо следующее толкование. По всей видимости, еще в древнейший период в диалектах марийского языка не было единства в упот-

¹⁴ Е. Иткопеп, указ. раб., стр. 89; И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка I, стр. 123—124, и др.

¹⁵ Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка, стр. 227.

реблении форм, выражавших это грамматическое значение; в одних древнемарийских диалектах употреблялись формы типа **tole|jt* и **kanta|j|s|t*, которые были образованы, как показывает их структура, от форм этого же лица единственного числа путем присоединения к ним древнего суффикса множественного числа **-t*. На путях развития к современной форме *to-l|∅|äč* 'они пришли' в первой праформе имели место, кроме изложенных выше фонетических и морфологического процессов, палатализация, а затем аффрикатизация суффикса множественного числа **-t*; во втором архетипе перехода $t > č$ не было, так как отсутствовали условия для этого изменения, т. е. суффикс **-t* находился за согласным \check{s} ($< \acute{s}$), ср. совр. *ko-nd|äš|t* 'они принесли'.

В других же диалектах приведенные выше реконструированные формы, по-видимому, вообще никогда не употреблялись, в них в рассматриваемом значении фигурировали только формы с причастным суффиксом **-va ~ *-vā*, который присоединялся, очевидно, к чистой глагольной основе, и глагол, по-видимому, не нуждался в дополнительном средстве выражения времени и числа, т. е. выступали **tole|va*, **kanta|va*. При развитии к современным формам *tole·βe* 'они пришли' и *konde·βe* 'они принесли', кроме отмеченных в другой связи фонетических и морфологического процессов, произошли следующие изменения: конечный гласный глаголов II спряжения (ср. **kanta|va*) попал под ассимилятивно-обобщающее воздействие конечного гласного основы глаголов I спряжения, ср. **tole|va*; конечный безударный гласный *a ~ ä* через промежуточную ступень редукции изменился в $\check{a} \sim \acute{a}$ и в соответствии с выработавшейся в сравнительно позднее время лабиальной гармонией гласных в некоторых диалектах стал звучать как *e*; латеральный твердый *l* в **tole|va* подвергся палатализации — естественно, под аналогическим влиянием других личных форм этого же глагола, в которых тот же согласный находился одно время перед *i* и поэтому произносился палатально.

Диалектные (карайско-петъяльские) формы типа *kondäšte·p ~ kondäšte·βe* 'они принесли' возникли позже путем контаминации, т. е. скрещения элементов соответствующих личных форм рассматриваемого времени, взятых из двух различных марийских диалектов, ср. морк. *ko-ndäšt* 'они принесли' и волж. *konde·βe* 'они принесли', но кар.-пет. *kondäšte·βe ~ kondäšte·p*.

В результате рассмотренных фонетических процессов в формах первого прошедшего времени, как и в других глагольных формах, переместилась граница между основой и окончанием в большинстве случаев в пользу последнего. Следствием переразложения является то, что в современном марийском языке в качестве личных окончаний воспринимаются в основном древние личные окончания вместе с затемненными конечными гласными основы и формообразовательными (временными) суффиксами, а основа глагола оканчивается на согласный звук.

По современным формам первого прошедшего времени нельзя установить, на какой гласный оканчивалась основа глагола в древнемарийском языке. При определении древнего качества конечного гласного основы следует прибегать к помощи формы 3-го лица единственного числа настоящего времени, в окончании которой сохраняется древнее состояние гласного, относившегося в древнемарийском языке к глагольной основе, ср. мар. *tol|e·š* '(пр)идет', *kond|a·* '(при)несет'.

Представим начальные и конечные ступени развития форм первого прошедшего времени:

Основы на *e* (I спряжение)

Ед. число	Мн. число
1 л. * <i>to-le j me</i> > <i>to-l ∅ ā̃m</i>	* <i>to-le j ma</i> > <i>to-l ∅ na</i> ~ <i>to-l ∅ na</i>
2 л. * <i>to-le j te</i> > <i>to-l ∅ ā̃c</i> ~ <i>to-l ∅ ā̃c</i>	* <i>to-le j ta</i> > <i>to-l ∅ da</i> ~ <i>to-l ∅ da</i>
3 л. * <i>to-le j ∅</i> > <i>to-l ∅ o</i> ~ <i>to-l ∅ ā̃</i>	* <i>to-le j t</i> > <i>to-l ∅ ā̃c</i> * <i>to-le va</i> > <i>to-le-βe</i> ~ <i>to-le-βā</i>

Основы на *a* (II спряжение)

Ед. число	Мн. число
1 л. * <i>ka-nta j s me</i> > <i>ka-nt ā̃š ā̃m</i> ~ <i>ka-nd ā̃š ā̃m</i> ~ <i>ko-nd ā̃š ā̃m</i>	* <i>ka-nta j s ma</i> > <i>ka-nt ā̃š na</i> ~ <i>ka-nd ā̃š na</i> ~ <i>ko-nd ā̃š na</i>
2 л. * <i>ka-nta j s te</i> > <i>ka-nt ā̃š ā̃c</i> ~ <i>ka-nd ā̃š ā̃c</i> ~ <i>ko-nd ā̃š ā̃c</i>	* <i>ka-nta j s ta</i> > <i>ka-nt ā̃š ta</i> ~ <i>ka-nd ā̃š ta</i> ~ <i>ko-nd ā̃š ta</i>
3 л. * <i>ka-nta j s ∅</i> > <i>ka-nt ā̃š ∅</i> ~ <i>ka-nd ā̃š ∅</i> ~ <i>ko-nd ā̃š ∅</i>	* <i>ka-nta j s t</i> > <i>ko-nd ā̃š t</i> * <i>ka-nta va</i> > <i>kante-βā</i> ~ <i>kande-βā</i> ~ <i>konde-βe</i>

Система личных форм отрицательного глагола первого прошедшего времени формировалась в основном аналогично системе утвердительных личных форм этого же времени.

Материалы родственных языков, а также исследования по исторической фонетике диалектов марийского языка дают возможность утверждать, что в этом времени корнем отрицательного глагола являлся **e*-, который на почве марийского языка сузился (*e* > *i*), а затем во многих марийских диалектах мог редуцироваться (*i* > *ā̃* ~ *ə*), причем в некоторых диалектах до полного исчезновения гласного. Основа отрицательного глагола **e*- была осложнена общефинно-угорским суффиксом прошедшего времени **š*, к ней присоединялись те же окончания, что и в утвердительных формах. Отметим изменения, характерные для сферы отрицательных форм или нуждающиеся в дополнительном разъяснении.

Возникновение начального неэтимологического *š* в сев.-зап. *šā̃š* 'он не' и урж., серн. *šā̃š* 'он не' и *šā̃št* 'они не' следует объяснять ассимилятивно-обобщающим влиянием других личных форм отрицательного глагола этого времени с начальным *š*, который оказался в аналауте в результате утраты этимологического корневого гласного.

Малм. *iši-m* 'я не', *iši-t* 'ты не' развились в результате межслоговой ассимиляции гласных.

Появление конечного *č* ~ *c* в формах 2-го лица единственного числа в некоторых диалектах объясняется аналогичным воздействием со стороны утвердительных личных форм типа *to-lā̃č* 'ты пришел'.

Перестановка гласных $\hat{a} \sim \text{ə}$ в формах 1-го и 2-го лица множественного числа многих диалектов, по-видимому, вызвана ассимилятивно-обобщающим влиянием форм с начальным \check{s} .

Основные линии развития личных форм отрицательного глагола см. также на схеме.

Ед. число

- 1 л. $*e|\check{s}|me > *i\check{s}\hat{a}m \rightarrow \text{ə}\check{z}\hat{a}\cdot m > \hat{a}\check{z}\hat{a}\cdot m$
 $\rightarrow \text{ə}\check{s}\hat{a}\cdot m > \check{s}\hat{a}m \sim \check{s}\hat{a}m$
 $\rightarrow i\check{s}i\cdot m$
- 2 л. $*e|\check{s}|te > *i\check{s}\hat{e}t \rightarrow \text{ə}\check{z}\hat{e}\cdot\check{c} > \hat{a}\check{z}\hat{e}\cdot\check{c}$
 $\rightarrow \text{ə}\check{s}\hat{e}\cdot\check{c} \sim \text{ə}\check{s}\hat{e}\cdot c > \check{s}\hat{e}\check{c} \sim \check{s}\hat{e}c$
 $\rightarrow i\check{s}i\cdot t (> \check{s}\hat{e}t \sim \check{s}\hat{e}t)$
- 3 л. $*e|\check{s}|\emptyset \rightarrow i\check{s} > \text{ə}\check{s} \sim \hat{a}\check{s}$
 $\rightarrow i\check{s} > \text{ə}\check{s} > \check{s}\hat{e}\check{s} \sim \check{s}\hat{e}\check{s}$
 $\rightarrow i\check{s}$

Мн. число

- 1 л. $*e|\check{s}|mä > *i\check{s}\hat{n}\hat{a} \rightarrow \text{ə}\check{s}\hat{n}\hat{a}\cdot > \check{s}\hat{e}\hat{n}\hat{a}\cdot \sim \check{s}\hat{e}\hat{n}\hat{a}\cdot$
 $\rightarrow \hat{a}\check{s}\hat{n}\hat{a}\cdot > \hat{a}\check{z}\hat{n}\hat{a}\cdot$
 $\rightarrow i\check{s}\hat{n}\hat{a}\cdot$
- 2 л. $*e|\check{s}|tä > *i\check{s}\hat{t}\hat{a} \rightarrow \text{ə}\check{s}\hat{t}\hat{a}\cdot > \check{s}\hat{e}\hat{a}\hat{d}\hat{a}\cdot \sim \check{s}\hat{e}\hat{a}\hat{d}\hat{a}\cdot$
 $\rightarrow \hat{a}\check{s}\hat{t}\hat{a}\cdot > \hat{a}\check{z}\hat{d}\hat{a}\cdot$
 $\rightarrow i\check{s}\hat{t}\hat{a}\cdot$

Относительно формирования диалектных форм 3-го лица множественного числа отрицательного глагола можно допустить следующее толкование. Форма $\hat{a}\check{s}\hat{t}$, присущая многим марийским диалектам (и легшая в основу нормы литературного языка), а также $\check{s}\hat{e}\hat{s}\hat{t}$ и $i\check{s}\hat{t}$ возникли посредством сращения соответствующей формы единственного числа с суффиксом множественного числа $-t$.

Волжские и горные формы типа $\text{ə}\cdot\check{s} \text{ tolep}$ 'они не пришли', которые отличаются от соответствующих форм единственного числа наличием суффикса множественного числа $-ep$ в конце полнозначного глагола (ср. $\text{ə}\cdot\check{s} \text{ tol}$ 'он не пришел'), ведут свое начало от соответствующей утвердительной формы $\text{tole}\cdot\beta e$ 'они пришли', в которой после утраты конечного e звонкий согласный β подвергся оглушению.

Северо-западная форма $\check{s}\hat{e}\hat{b}\hat{e}\cdot t \sim \check{s}\hat{e}\hat{p}\cdot p \sim \check{s}\hat{e}\hat{p}\cdot t \text{ tol}$ 'они не пришли' представляет собой контаминированное образование, т. е. эта форма — результат какого-то довольно запутанного скрещения отрицательных и утвердительных форм настоящего и первого прошедшего времени, взятых из разных марийских диалектов, скорее всего горн. $\text{ə}\cdot\check{s} \text{ tolep}$ 'они не пришли', луг. $\check{s}\hat{e}\hat{s}\hat{t} \text{ tol}$ 'они не пришли', а также горн., луг. $\text{tole}\cdot\beta\hat{a} \sim \text{tole}\cdot\beta e$ 'они пришли' и сев.-зап. $\hat{a}\hat{p}\cdot p \text{ tol} \sim \hat{a}\hat{p}\cdot t \text{ tol} \sim \hat{a}\hat{p}\cdot t \text{ tol}$ 'не приходят, не придут'.

Неизменяемые формы отрицаемого глагола, постпозитивно сочетающиеся с формами служебного отрицательного глагола, в диалектах современного марийского языка характеризуются либо нулевым формообразовательным суффиксом (I спряжение), либо формообразовательным суффиксом $-e, -o, -\hat{o}$ или $-\hat{a}, -\text{ə}$ (II спряжение). С исторической

точки зрения все — и отрицательные и положительные — суффиксы восходят к конечным гласным глаголов.¹⁶

Таким образом, в древнем марийском языке противопоставление грамматических форм в спряжении осуществлялось двумя путями: различные глагольные основы выражали противопоставление грамматических форм по времени (настоящее¹⁷ и прошедшее), переходности и непереходности (в сфере прошедшего времени), окончания же, в основном тождественные для всех времен, — по категории лица и числа.

Очевидно также, что в ходе развития глагольные личные формы первого прошедшего времени значительно упростились. В ходе развития происходили фонетические преобразования, морфологическое выравнивание основ и форм, переосмысление, контаминация, которые во многих случаях сопровождалась морфологическим явлением переинтеграции значимых частей слова, естественно приведшим к перемещению его морфологических узлов.

¹⁶ Об истории их развития и относительной хронологии редукции конечных гласных основ полнозначных глаголов см. Г. И. Лаврентьев, Отрицательные глагольные формы настоящего-будущего времени в марийских диалектах, стр. 245.

¹⁷ О некоторых генетических вопросах настоящего времени см. Г. И. Лаврентьев, К вопросу об историческом развитии глагольной формы 3-го лица настоящего-будущего времени в марийском языке. — СФУ VIII 1972, стр. 187—191.

Сокращения названий диалектов марийского языка

вожж. — вожжский, горн. — горный, кар.-пет. — карайско-петъяльский, луг. — луговой, малм. — малмыжский, морк. — моркинский, сев.-зап. — северо-западный, серн. — сернурский, урж. — уржумский, яран. — яранский.

G. I. LAVRENT'JEV (Joškar-Ola)

AUS DER GESCHICHTE DER MARISCHEN KONJUGATION

In der frühesten Periode des Altmarischen wurde die bejahende Form der ersten Vergangenheit aller marischen Verben mit Hilfe des Suffixes *j gebildet (*tole|j-, *kanta|j-). Im Laufe der Zeit schloß sich dem mit diesem Suffix gebildeten Stamm auch das Suffix *š an, das aus der Konjugation des Verneinungsverbs derselben Zeitform übernommen und zur Hervorhebung der Transitivität der Verbalstämme benutzt wurde (*kanta|j|š-). Später erfolgte eine Vermengung der Formen und Typen der Konjugation der transitiven und intransitiven Verben. Diese Vermengung war möglicherweise durch den Schwund der Bedeutung der Transitivität der Vergangenheitsform auf š bedingt. Mit den Stämmen der Vergangenheit verbanden sich entweder die materiell ausgedrückten oder Nullendungen der Personen oder das Pluralsuffix. Im Laufe der Entwicklung vollzogen sich viele phonetische Wandlungen (*to-le|j|ø > to-ɾ|ø|o 'er kam', *ka-nta|j|š|ø > ko-nd|š|ø 'er holte').

Das System der Personalformen des Verneinungsverbs der betreffenden Zeit bildete sich im wesentlichen nach Analogie des Systems der bejahenden Formen derselben Zeitform. Im Laufe der Entwicklung des Marischen fanden in den Personalformen des verneinenden Verbs verschiedene Veränderungen statt (*e-|š|me > i-šām > əžə-m > əžə-m 'ich nicht').